

ГОРОДА БАШКИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Во второй половине XX века в историографии Башкортостана утвердилось мнение о башкирах как о народе, жившем в Средневековье кочевым скотоводством и охотой. Эту точку зрения обосновал известный этнограф Р.Г.Кузеев [1]. Его концепция основывалась на некоторых средневековых источниках. Так, путешественник XIII века В.Рубрук в своем отчете о поездке к монголам отметил: «Язык паскатирский (башкирский. — **Р.В.**) и венгерский едины и оные суть пастухи, не имеющие ни единого города, ни пригорка (замка на горе. — **Р.В.**), со стороны западной граничат они с Великой Булгарией и от нее земли их к востоку» [2].

Это утверждение В.Рубрука об отсутствии у башкир городов много лет переписывается из одной исторической работы в другую, служа главным аргументом в придании башкирам кочевнического образа жизни. Однако Рубрук в Башкортостане не был. В своем путешествии к монгольскому хану он проехал южнее Башкортостана, степями, где башкирских городов не оказалось на его пути. А на основе его сообщения башкир стали считать кочевниками-скотоводами, не имевшими своих городов. Но во многих источниках Средневековья отмечается, что башкиры скрывали свои города от чужестранцев, проезжавших через их земли с неопределенной (не торговой) целью.

Этот приём — признавать не имеющим места то, что не упомянуто в источнике, широко применялся при обосновании кочевнической гипотезы происхождения башкирского народа. Ведь легко признать кого-то не существовавшим, не проживавшим, если об этом не упомянул какой-то путешественник, якобы побывавший в данной местности в исследуемое время. Так, известный археолог В.А.Иванов, поддерживая Р.Г.Кузеева и пытаясь доказать, что башкиры — пришельцы на уральской земле и что их не было в Приуралье в середине IX века, обращается к описанию путешествия арабского купца Саллама ат-Тарджумана. Саллам в 842—843 гг. по заданию халифа ал-Васика совершил путешествие на восток в поисках народов Гога и Магога — персонажей библейских мифов. Иванов В.А. пишет: «В первоначальном варианте рассказа Саллама ат-Тарджумана, записанном Ибн-Хордадбеком с его собственных слов, о башкирах в Приуралье ничего не говорится. Очевидно, по той причине, что их там в первой половине IX в. ещё не было» [3].

Однако, такой категоричный вывод уважаемого В.А.Иванова совсем не очевиден, более того, его иначе как странным не назовешь. Свыше тысячи лет прошло со времени того путешествия, но так и остались исторической загадкой места, где побывал Саллам. Он не упоминает ни Волги, ни Каспийского моря,

хотя говорил, что был в резиденции хазарского царя, не называет никакие другие реки или горы, а вместо этого у него описание ужасов, сотворенных библейскими злодеями Гогом и Магогом: зловонная, пахнущая серой земля, брошенные города и т.п. Возникает вопрос — причем здесь присутствие или отсутствие на Урале башкир? (Хотя, путешественники действительно могли забрести на заброшенные медные копи на Урале, где в породе много серы и почва, естественно, пахнет серой). Кроме того, Ибн-Хордадбек издал свою книгу с отчетом Саллама через 40 лет после того путешествия. Мало ли что могло потеряться у Ибн-Хордадбека в памяти и в записях за эти 40 (!) лет. Вот такие первоисточники положены в основу кочевнической гипотезы происхождения башкирского народа.

Кочевническая теория опровергается и многочисленными сохранившимися шежере родов, преданиями, эпическими произведениями. Каждый башкирский род владел определенными землями с четко обозначенными границами, нарушение которых вело к ожесточенным войнам. На территории Исторического Башкортостана нет ни одной более-менее крупной реки, горы, озера, о которых еще в древнюю старину не были бы сложены песни, сказы, предания и даже эпические произведения. Во многих из них описываются кровавые войны, которые начинались по причине даже очень незначительных нарушений границ. А когда башкиры были объединены в составе Башкирского войска, то границы кантонов также в основном пролегли по древним границам родов, и войсковые башкиры не имели права покидать без особого разрешения территорию войскового юрта (команды). В целях рационального использования пастбищ башкиры применяли сезонное отгонно-пастбищное животноводство: ранней весной пасли скот на возвышенных местах, на поймы рек стада пускали к концу лета, оставляли места для сенокоса, зимней тебеневки и т.д. Подобное отгонно-пастбищное животноводство до сих пор применяется в Швейцарии, Австрии, Шотландии и других странах и ничего подобного с кочевничеством не имеет. Интенсивное занятие башкир пчеловодством, наличие, хоть и ограниченное климатическими условиями, земледелия, также начисто опровергают так называемую кочевническую теорию.

Башкиры сформировались как этнос на Урале, в местах, богатых железными рудами, цветными и драгоценными металлами, лесом. Природа определяет образ жизни этноса. Башкирский эпос «Урал-батыр» рассказывает, что с бронзового века предки башкир породнились с индоевропейцами, пришедшими на Урал в поисках сырья для выплавки металлов. По эпосу герой Урал-батыр берет в жены дочь царя чужого народа, обычаи которого очень похожи на зороастрийские обряды, характерные для индоевропейцев. Это носители абашевской археологической культуры. Предки башкир вместе с ними освоили металлургию, что подтверждается археологическими исследованиями. Так, археолог К.В.Сальников, один из первых исследователей абашевской культуры на Урале, писал, что сходными были технологические процессы металлургии, ведь и те, и другие изготавливали, по сути, медные изделия, для упрочнения проковывали их после отливки. Для получения бронзы им не хватало олова. Конечно, археологи вели речь о «местном аборигенном населении», не уточняя его этническую принадлежность, называли его не предками башкир, а «племенами, родственными энеолитическому населению Прикамья и Зауралья» [4, с.36]. Башкирский эпос «Урал-батыр» ещё не был опубликован, древняя история башкир была мало изучена.

Были средневековые источники, утверждавшие, в противоположность Рубруку, о существовании башкирских городов, о ремеслах и торговле в них. Эти города отмечались на средневековых картах. Но кочевническая концепция происхождения башкирского народа, созданная Р.Г.Кузеевым, была в СССР скорее политической доктриной, а не научной теорией. Поэтому источники, ей противоречащие, не могли попасть в историографию Башкортостана, не говоря уже об истории башкир. Они стали доступны широкому кругу читателей лишь в начале XXI века. Наиболее известным трудом о средневековых городах башкир является сочинение араба Ал-Идриси, написанное в 1154 году в Сицилии по поручению норманского короля Рожера II. Этот труд был известен также как «Книга Рожера». Не будет ошибкой полагать, что норманы-викинги, бороздившие на своих ладьях реки и моря Европы к тому времени уже около 500 лет, были основными информаторами ал-Идриси, и сам их король Рожер принял активное участие в составлении книги.

В сочинении Идриси рассказывается не только о башкирских городах, но и упоминается «страна Башкир» в интерпретации текста того же Саллама ат-Тарджумана. Кто здесь прав? Ибн-Хордадбек потерял «страну Башкир» или Идриси вставил её в текст при изложении текста Саллама — также остается загадкой. Но признавать это плодом фантазии Идриси у нас нет оснований, а на то, чтобы кое-что позабыть, у Ибн-Хордадбека было 40 лет.

Таким образом, Идриси представил нам башкир IX века, как вполне сформировавшийся этнос со своей страной и городами. Несмотря на то, что труд Идриси был переведен на европейские языки в XIX веке, русские и советские историки не уделяли ему серьезного внимания. Вероятно потому, что сведения, собранные в нем, шли вразрез с политическими доктринами. Разве мог быть принят в научное обращение источник, утверждавший о существовании башкирских городов и заявлявший о многочисленных колониях ненавистных норманов-викингов (россов), длительно обитавших на Волге и её притоках, а не только на Днепре?

Тем не менее, сочинение Идриси привлекло внимание академика Б.А.Рыбакова [5]. В то время только ученые столь высокого уровня могли себе позволить анализ «проблемных» источников. Однако существовавшие тогда представления о том, что россы-норманы, оставившие заметный след в этногенезе русского народа, жили только в Киеве и Новгороде в качестве варягов, не позволили ему правильно понять многие сведения от Идриси. Вышедшую в Киеве в 1928 году работу П.П.Смирнова «Волжский путь в стародавней Руси» с гипотезой о существовании на Средней Волге государства россов-норманов (Русский каганат) Рыбаков назвал «фантастическим построением», основанным на якобы неправильном исчислении Смирновым расстояний между городами, указанными Идриси в днях пути. Он предпочел также не заметить на карте Идриси небольшую страну Русию, показанную в районе Самарской луки.

В начале XXI века, спустя 850 лет после написания, труд Идриси вдруг стал объектом тщательного изучения. Это было связано с некоторым ослаблением политических пут исторической науки и выходом в свет книги И.Г.Коноваловой «Восточная Европа в сочинении ал-Идриси» [6]. Однако исследование труда Идриси оказалось нелегкой задачей. Его сочинение рождалось на богатой информации, сообщаемой ему купцами-викингами, путешественниками, послами и другими лицами, побывавшими в том или ином регионе. Причем в некоторых

случаях, рассказывая об одном и том же объекте, они называли его по-разному, указывали различные местонахождения. Эта информация поступала к Идриси в виде воспоминаний. Что-то эти путешественники видели сами, что-то слышали от других людей. Карт в то время не было. Экспедиции шли в сопровождении проводников или наугад, по каким-то ориентирам, указанным людьми, бывавшими в данной местности. Порой между пребыванием информатора в каком-то регионе и передачей информации Идриси для написания книги проходили многие годы. При этом информация искажалась ещё в памяти путешественника. Иногда об одних и тех же местах рассказывали разные люди, говорившие на разных языках, имевшие различные традиции измерения пройденного пути. Существенные искажения вносил и перевод с языка информатора на арабский язык. Поэтому в книгу Идриси попадали и противоречивые, искаженные сведения. Особенно это касается мест расположения населенных пунктов. Расстояния между городами у Идриси указывается в днях пути. За день путник мог пройти в среднем около 20 км, а расстояние, пройденное караваном, зависело не только от трудности маршрута, но и от такого фактора, как число овец, взятых на пропитание. Караван с большим числом овец шел медленнее. Встречались водные преграды, горные перевалы, болота, леса. Одно и то же расстояние в разной местности караваны проходили за время, отличающееся в разы. Поэтому точность сведений о расстояниях, указанных в книге Идриси в днях пути, сомнительна, но именно этими сведениями руководствовались исследователи, пытаясь определить местоположение того или иного населенного пункта. Эта информация может быть использована как вспомогательный фактор при наличии иных указателей. Гораздо ценнее у Идриси информация качественного плана: об образе жизни людей в этих городах, об их занятиях, о ремеслах, о торговле, о названиях рек, на которых располагались города. Именно эта информация позволяет достаточно точно определить местонахождение того или иного города.

Сопоставляя сведения о башкирских городах в сочинениях Рубрука и Идриси, следует все-таки отметить, что они далеко не равнозначны в смысле достоверности. Рубрук, проезжая по южно-уральским степям и отмечая отсутствие городов у башкир, мог просто не знать о них. Идриси, сообщая о пяти башкирских городах, не мог их выдумать, тем более, что он указал особенности этих городов: в образе жизни населения, взаимоотношениях с соседями, ремеслах и других характерных чертах, а также отметил их на прилагаемой карте.

Соответственно и дальнейшая судьба этих концепций была различна. Упоминание В.Рубрука о башкирах, как о кочевниках-скотоводах, не имеющих городов, позже в средневековых источниках не получило своего дальнейшего развития. Концепция же Идриси, напротив, нашла своё подтверждение в XIV веке. О городе Башгирд, наряду с Булгаром в составе Золотой Орды, писал Ибн-Халдун [7]. На картах братьев Пицигано (1367) и Авраама Крескеса (1377) в бассейне Камы обозначены башкирские города Пасшерти (Паскатири, Башкорт) и Сагатин [8]. Ещё через два столетия на карте Г.Меркатора (1554) расположение города Башкорт (Пасшерти) было уточнено и указано в месте слияния рек Белой и Уфы, а город Сагатин показан в верховьях реки Уфы.

Нет единого мнения по вопросу башкирских городов и среди современных ученых. С начала XXI века интерес к этой теме ещё более возрос. Возобновились раскопки городища Уфа-II под руководством Н.А.Мажитова. И.Г.Коновалова

придерживалась традиционных взглядов на образ жизни средневековых башкир и в своих комментариях писала, вопреки Идриси, об отсутствии у башкир средневековых городов. Она ссылалась на концепцию Р.Г.Кузеева.

Н.А.Мажитов, раскапывая городище Уфа-II, нашел много интересного в городской культуре средневековых башкир. Комиссией, приглашенной из Института археологии РАН, было признано возникновение на Уфимском полуострове большого укрепленного города и существование его в течение всего Средневековья. Этот город первоначально называли в источниках и картах Башгирд, Пасшерти по народу, проживавшему в его округе. Также как Булгар, Маджар. Надо отметить, что данная традиция была неудачной и давала приближенные ориентиры. Башкиры (пасшерти), например, населяли огромную территорию от Камы до Тобола, и как на этих просторах можно было искать город Башкорт? В результате дальнейшего развития картографии и географии в целом возникла необходимость в более точном обозначении местонахождения городов и город Башкорт стали привязывать к географическому объекту, также наносимому на карты — к устью реки Уфы [9]. Этот город и положил начало современному городу Уфе, время основания которого можно отнести к V веку [10].

Появились современные исследования сочинения ал-Идриси с целью определения местонахождения башкирских городов на основе средневекового текста Идриси, высказываний Б.А.Рыбакова, Р.Г.Кузеева и комментариев И.Г.Коноваловой [11]. Однако исследователи анализируют лишь эти субъективные источники и не рассматривают объективные обстоятельства: развитие ремесла и торговли в этих местах — необходимых условий возникновения городов. Они не задаются вопросом о том, кто и что производил в этих городах, кто торговал изделиями горожан, куда отвозились товары, произведенные в стране башкир, и что привозилось взамен? К анализу не привлекались даже известные путевые заметки арабского путешественника Ибн-Фадлана (922—923 гг.), побывавшего на левобережье Волги и Камы и спустившегося по течению к Каспию на ладье викингов. Для идентификации населенных пунктов, указанных Идриси, имело смысл привлекать и этнические названия башкирских родов, раз уж автор описал башкирские города. Название поселения этнонимом местного населения — явление, распространенное в раннем Средневековье, а этнонимы дошли до нас.

Не все ученые поддержали Н.А.Мажитова. Его заявление о существовании города Уфы с раннего Средневековья встретили «в штыки» некоторые его коллеги, обвинив в раздувании искусственной «проблемы башкирских городов». Башкирский государственный педагогический университет в 2013 году выпустил специальный сборник трудов «Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях» [12]. В нем собраны статьи, посвященные этой «проблеме городов», которую редактор Г.Т.Обыденнова считает умозрительной, рассчитанной на заведомо неискушенную ни в археологии, ни в истории аудиторию, и по сути своей — конъюнктурной. «Достоверных письменных источников по этой проблеме нет вообще», — пишет редактор в своем вступительном слове. Странно, однако: проблемы научной нет, достоверных источников нет — зачем тогда выпускать сборник, растрачивая бюджетные средства? Разве что из конъюнктурных соображений...

Приходится удивляться: неужели на научном уровне нет понимания того, что абсолютно достоверных средневековых письменных источников не может быть в принципе — все они носят приблизительный характер. Здесь имеет смысл провести параллель с естественными науками. Сведения из этих источников аналогичны показаниям измерительных приборов, которые также имеют степень погрешности, но никто от приборов по этой причине отказываться не собирается.

Достоверность сведений из средневековых письменных источников зависит от множества факторов. Редкие средневековые авторы описывали свои собственные путевые наблюдения, как например, Ибн-Фадлан [13]. Чаще встречаются сведения, записанные с чужих слов, взятые из ранних сочинений. И в том, и в другом случае эти сведения проходили через сознание автора, преломляясь на его убеждениях, религиозных чувствах, политических представлениях. Доходя до нас, источники претерпевают многократный перевод. Свои искажения вносят переводчики, переписчики и даже современные историки.

Так, в переводе И.Г.Коноваловой труда Идриси относительно города Гурхан (с.123) сказано: «Он стоит к северу от реки Исил, впадающей в море Табаристан». Трудно себе представить местонахождение «города к северу от реки Исил» (Изел, Идель, Волга), текущей преимущественно с севера-запада на юго-восток по извилистой кривой. Каспий никто другой не называл морем Табаристан. Автор, видимо, написал: «Он (город) стоит к северу от места впадения реки Исил в море, на южном побережье которого располагается провинция Табаристан». В таком варианте перевода уже появляется какая-то определенность в расположении географических объектов.

Критика источников, на которые опирается Н.А.Мажитов в интерпретации своих археологических изысканий, представлена в указанном сборнике статьей В.А.Иванова и И.В.Антонова «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах». Критический анализ источников — дело, безусловно, нужное, для науки необходимое. Анализ предполагает отражение не только недостатков источников, но и положительных сторон, сведений, ценных для науки. Однако этого в указанной статье уважаемых В.А.Иванова и И.В.Антонова, к сожалению, нет. Они отмечают лишь недостатки источников, исследуют тексты «в себе», без сопоставления с объективными обстоятельствами, имевшими место в регионе в исследуемый период. Не выявляются системные связи. Читая работу уважаемых авторов, приходишь к выводу, что они не анализируют источники, а пытаются доказать непригодность их для исторической науки, несостоятельность опоры на них со стороны ныне покойного Н.А.Мажитова, его же обвиняя в самоустранении от критического анализа этих источников.

Разумеется, сочинение Идриси и карта братьев-купцов Пицигано 1367 г. имеют свои недостатки. Но здравомыслие требует признать, что, если в этих средневековых источниках обозначены города башкир, значит, они были. Причем, у Идриси даны не только названия этих городов, но и отмечены особенности образа жизни населения этих городов, ремесленная деятельность, торговля, материалы, используемые для строительства, названия рек, на берегах которых они располагались. Так, от Идриси мы узнаём, что река Урал (Яик) называлась ещё и Сукан (у зауральских башкир сохранились легенда и песня о древнем батыре по имени Сукан), как и горный хребет, вдоль которого

она течет в верховьях, а ниже по течению этой реки, вблизи города Намджан «жители ловят рыбу, являющуюся их основной пищей, с большой сноровкой и ловкостью». Большую часть рыбы они посыпают приправами, тем самым сохраняя её, солят и грузят на свои корабли, которые спускаются в Хазарское море, и плывут вдоль побережья до города Исила (Итиль, столица Хазарии) и в другие места и там торгуют ею.

Это по Идриси. А спустя 700 лет великий Пушкин описал в «Истории Пугачева» такой же рыбный промысел, распространенный среди яицких казаков на этой же реке. Он указал и места, где казаки занимались этим промыслом. От Идриси до Пушкина природа этих мест практически не изменилась. Рыбные угодья остались там же. Потому можно уверенно сказать, что современный город Уральск, как и некогда казачья крепость Яицкий городок, располагается там, где в Средневековье стоял башкирский процветающий городок Намджан. Как видим, в Намджане были и промысел, и ремесло переработки рыбы, и международная торговля, то есть это был удобно расположенный торгово-ремесленный центр.

В 922 году здесь прошел караван посольства из Багдада в Булгар, в котором секретарем был Ибн-Фадлан, известный по своим путевым запискам [13]. Он ничего не сообщает об этом городе. Возможно, город Намджан возник позже 922 года. Возможно, экспедиция, в которой был Ибн-Фадлан, и проложила здесь караванный путь, соединявший Булгар с Хорезмом и Средней Азией. По этому пути прошло и ответное посольство из Булгара в Багдад во главе с сыном царя булгар, направлявшееся на поклонение в Мекку. С распространением Ислама в Поволжье караваны с паломниками стали ходить в Среднюю Азию и на Ближний Восток регулярно. С ними ехали и купцы. Наладилось торговое сообщение, и на пересечении водных и караванных путей возник город Намджан в устье реки Саган. Башкирский гидроним Саган (Клен) также подтверждает, что здесь жили башкиры и дали название реке.

Это подтверждает следующие слова Идриси: «К востоку от этого города (Намджан) находится гора Арджика, в которой есть медные рудники, где работают больше тысячи человек. Там добывают много меди и везут её в землю Хуваразм (Хорезм), в страну Шаш и в близлежащие области страны гузов. Из этого города вывозят также шкуры лисиц и шкуры животного, называемого ал-бабр, их везут по реке до моря ал-Хазар, чтобы продать их вдоль Хазарского моря и в Дайламе по высоким ценам. В этом городе делают гончарные изделия и высококачественные, долговечные горшки. По берегам этой реки встречаются разноцветные драгоценные камни, среди которых имеется и много лазуритов».

Действительно, к востоку от устья реки Саган есть месторождения меди — район современного Медногорска. Как видим, Намджан был не только рыбным городом. Его население активно занималось ремеслами и торговлей, как по реке, так и по суше. По реке везли рыбу и пушнину. Особо ценились шкуры степного тигра, называемого ал-бабр. Упомянутая Идриси страна Шаш была областью Средней Азии, через которую проходил Великий шелковый путь, связавший Византию с Китаем. По этому пути уходили в обе стороны добываемые здесь медь, драгоценные камни и шкуры пушных зверей. А Шаш был известен оружейными мастерскими, производившими знаменитые шашки сабли (шаш-клыч, порусски — шашка) из стали молат (булат).

Ремесло обычно связывают с изготовлением изделий для продажи или обмена. В древнем мире, согласно «Истории» Геродота, предки башкир занимались своеобразным ремеслом, были известны как «аргиппей» и «аримаспы», что означает «коноводы» на греческом и персидском языках соответственно. Главным продуктом их ремесла, товаром была лошадь. Были и сопутствующие ремесла, например, выделка конских шкур, изготовление ремней (поясных и сбруйных).

Исторический Башкортостан, столь богатый металлическими рудами, не мог остаться в стороне от процесса урбанизации человечества, начавшегося с освоением металлов. Более того, доступность металлов объективно должна была вывести население региона на передовые рубежи, способствовать созданию крупной древней империи. На рубеже 1-го и 2-го тысячелетий до нашей эры на территорию Исторического Башкортостана надвинулись угорские племена. Они жили в Зауралье, обладали более совершенными познаниями и умениями в выплавке металлов и их обработке, нежели индоевропейцы-арии, заселившие Поволжье и Предуралье. Поэтому приход ранних угров (XII в. до н.э.) сопровождался зарождением новых очагов металлургии, обработки меди и сплавов. В обиходе древних предков башкир появились медные и бронзовые ножи, топоры с втулкой, перпендикулярной лезвию, в которую вставлялась рукоять, а также долота, что дало начало зарождению деревообработки. Слово «балта», означающее топор, пришло в башкирский язык из языка угров [14]. Первоначально слово «балта» означало только боевой топор, а топор для рубки дров башкиры называли «тапар».

Этими инструментами уже можно было выдолбить лодку из цельного ствола осокоря или борть в растущем дереве, деревянный сосуд-батман для меда. Поиск диких дупел с пчелами с целью добычи меда сменился у древних предков

Древнее подземное каменное строение на Урале

башкир зарождающимся бортничеством — изготовлением рукотворных дупел и подготовкой их к заселению пчелами. Количество добываемого меда и воска резко возросло и эти продукты стали товаром для продажи и обмена [15].

Основой всякой металлургии является месторождение соответствующих руд. Одним из первых был освоен Гумешевский рудник (на горе Гумешки — башк. Көмөштау — Серебряная гора) близ современного города Полевской Свердловской области. Работы на этом руднике продолжались на протяжении многих веков. В XVIII веке в заваленных штольнях были обнаружены останки древних рудокопов, медные и деревянные горные орудия: кайлы, лопаты и многое другое. В начале 1-го тысячелетия до н.э. руду плавил неподалеку от рудника на горе Думная, где нашли остатки печей и отвалы шлака. Сохранились легенды башкир об этих местах. Одна из них — предание о горе Азов (башк. Азау-тау, Коренная гора). Хозяйка горы Азау-кызы (по сказочнику Бажову — Азовка-девка) живет в пещере (пещеры роет землеройка Шолган, вырастающая до гигантских размеров) и обладает несметными сокровищами. По другой башкирской легенде её зовут Алтынсэс (Златовласка) и там, где она сидела, расчесывая волосы и где

Золотой олень из Филипповского курганного могильника

их мыла, следует искать золото. С древности и до IV—VI веков на вершине горы Азов располагалось поселение металлургов. Здесь проходил торговый путь в Сибирь.

К XII в. до н.э. сформировался Иткульский очаг металлургии и металлообработки. На северном берегу озера Иткуль, расположенного недалеко от рудника Гумешки, поселились металлурги и кузнецы. На месте их городищ археологи нашли до трех десятков металлургических печей, а также шлак, руду, тигли, литейные формы. Иткульцы жили в период перехода от эпохи меди и бронзы к раннему железному веку. Несмотря на это, они оставались специалистами по легкоплавким металлам: меди, бронзе и золоту. Дело в том, что раннее железо до изобретения закалки было

значительно мягче бронзы и редко использовалось в то время для изготовления изделий практического назначения.

Что интересно, оружие, украшения, культовые предметы носителей сформировавшейся здесь иткульской культуры имеют ярко выраженный степной сако-массагетский облик. Многие археологи отмечают обилие лошадей в стадах иткульцев. С другой стороны, на юге, в степной зоне на реке Илек (приток Яика) в знаменитых Филипповских курганах обнаруживаются многочисленные золотые изделия массагетов с северной оленьей (лосиной) иконографией, среди которых особенно красочны фигуры оленей, сделанные из золота (IV в. до н.э.). Северный олень (или лось) становится тотемом степняков, у которых, однако, не было ни золота, ни топлива, ни инструментов, ни навыков для изготовления культовых золотых изделий.

Всё это говорит о том, что имело место изготовление иткульцами металлических изделий для степняков и обмен их на скот, в частности на лошадей. Благодаря ремеслу и торговле сложился симбиоз — форма взаимоотношений, из которых оба партнера извлекали выгоду для себя. На этой основе возникла древняя империя массагетов с центром на Урале. На территории Исторического Башкортостана её следы сохранились в виде нескольких населенных пунктов с названием Мясагут (Месягутово) и рода мясагут, входившего в племя Тамъян. В настоящее время многие жители северо-востока Республики Башкортостан считают себя выходцами из этого рода. Проживание мясагутов (массагет) на Урале отмечено и в средневековой летописи «Гази Барадж тарихы».

В массагетской среде сформировались древнебашкирские племена [1, с.425] и до настоящего времени существует разделение башкир на горно-лесных и степных. В Древнем мире, во времена Геродота (V в. до н.э.) массагеты — древние угорские предки башкир считались великим, необычайно богатым народом. Геродот писал в своей «Истории»: «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы (металлические шлемы. — **Р.В.**), пояса и перевязи украшают золотом. Также и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом» [16, с. 94].

Здесь сведения Геродота перекликаются с башкирским эпосом «Урал-батыр» [17, с.169]. Представляя коня Акбузата, сэсэн пел:

Когда предстал таким Акбузат,
Весь майдан был изумлён:
На спине его лежало седло,
А к луке того седла
Подвешена стальная сабля,
Лука золотая у седла,
Золотые удила в узде...

Высокий уровень развития металлообработки у горно-лесных предков башкир и обменная торговля их со степными сородичами позволили создать массагетам могучую армию, которая нанесла, согласно Геродоту, поражение армии Персидской державы во главе с библейским персонажем царем Киром II.

Золотое изделие из фондов Эрмитажа с изображением тюркских воинов и их лошадей. В изделии привлекают внимание весьма совершенные сёдла, уздечки и завитые в косы гривы и хвосты коней

Геродот, описывая массагетов, отметил, что, кроме скотоводства, они занимаются ещё и рыбной ловлей, упомянул богатство рыбой реки Аракс, за которую в его время принимали водную систему Яик — Обь, являющуюся, якобы, единой водной протокой, соединяющей Каспий с Северным Ледовитым океаном. Из-за чего Каспий и стали называть морем. Действительно, истоки Яика, текущего к Каспию, и Уя, Миасса — притоков Иртыша, Оби очень близки, не далее 5 км друг от друга, вытекают из одной болотистой местности, весной превращающейся в единое озеро. Древние традиции рыболовства нашли своё развитие и в Средневековье. Это проявилось наиболее ярко в башкирском городе Намджан, жители которого, как и их древние предки, жили рыбной ловлей, переработкой рыбы и рыбной торговлей.

Из Древнего мира перешли в Средневековье и традиции металлургии. Вслед за Иткульским очагом металлургии, в массагетское время (эпоха золота) возник такой же центр на озере Иретьяш (Иресят). Он существовал очень долго, более двух тысячелетий. Старец Лот из Далматовского монастыря в 1668 году сообщал в Москву: «Есть и город каменный на берегу озера Иретьяша в полднище пути, и башни великие и палаты каменные, башкирцы его скрывают, а также некто служилый человек видел на острове Иретьяш-озера город в саморостном камени, вокруг него ров, а за тем городом сделаны домницы истари, видны плавильная руда и шлак. В длину городище 100 сажень (200 м), поперек 50 сажень (100 м)» [8, с.26].

На расстоянии примерно 10—15 км («полднице пути») от северного берега озера Иретьяш расположен современный город Касли, известный своим художественным литьем металла. Этот город пронес через тысячелетия не только металлургические традиции, но и древнее название: Кәсле — дерновый (башк.).

Старец Лот в своем донесении связал металлургию на озере Иретьяш с Миасским месторождением золота. Золотых дел мастера жили и работали, укрывшись на острове в каменном городе, за глубоким рвом и крепостной стеной (городом). Действительно, в тех краях имеется множество останков мегалитических каменных сооружений, стен, древних шахт, каменоломен и т.д.

С развитием железной металлургии к медно-золотым плавильням на озере Иретьяш добавились центры выплавки железа на Южном Урале, отмеченные на карте топонимами древнебашкирского происхождения: Иретьяш, Иремель, Ирендык и т.д. Иремель — древнее название горного узла, связывающего воедино несколько горных хребтов, а не одной горы, которая изначально называлась Кәбән (башк. — стог). Близ этой горы с древних времен добывали железную руду, залегающую на поверхности. Позже эту руду стали возить на Белорецкий завод. В долинах текущих здесь речек

были месторождения рассыпного золота. Неподалеку от этого горного узла ещё в древности сформировался южно-уральский центр железной металлургии с полным циклом — от добычи железной руды, выплавки чугуна и стали и до производства готовых изделий. Центры металлургии башкир просуществовали до 11 февраля 1736 года, когда Российская императрица Анна Иоановна, стремясь подавить башкирские восстания, своим известным указом запретила башкирам иметь кузницы, чтобы они не могли ковать оружие. Многие из этих кузниц прекратили работу, а в середине XVIII века на их местах был построен целый куст южно-уральских железоделательных заводов: Симской, Белорецкий, Саткинский, Златоустовский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Юрюзанский и др.

Склоны хребта Ирендык богаты золотом и медью. Здесь встречаются древние поселения, городища, плавильни и мастерские, богатые могильники. До настоящего времени находят крупные самородки золота. Самый большой из них — «Ирендыкский медведь» весом в 4 кг 788 гр. Существует предание, что башкиры отправили этот самородок в 1557 году царю Ивану Грозному в знак уважения. Однако по дороге на обоз напали разбойники. Кому-то из сопровождавших удалось закопать легендарный слиток в землю, где он и пролежал более 400 лет, был вновь обнаружен лишь в 1992 году.

Золотая окантовка деревянного сосуда из Филипповского кургана №1 с изображением всадника, стреляющего из лука

Как видим, в Башкортостане металлообработка, как ремесло, имела место с глубокой древности. На её основе и возникли средневековые башкирские города. О важности металлообработки, как городского ремесла, можно судить на примере Булгара X века, описанного Ибн-Фадланом. Народ Булгара занимался земледелием, разводил скот, там был даже портной из Багдада. На берегу реки время от времени шумел базар, стояли торговые дома викингов-русов, они свободно плавали по Волге и Каме, но торговали в основном пушниной и рабами. Вроде должен был бы возникнуть на этом месте город. Однако месторождений железа не было в этих краях, железодельного ремесла тоже. В результате булгары ощущали дефицит железных инструментов. Поэтому у них отсутствовали свои мастера деревообработки. В их поселении стояли юрты (шатры, палатки) булгар и деревянные дома викингов. Но не было ни крепостной стены, ни башен, внутри которых можно было бы укрыться от нападения врагов.

Царь булгар запросил у халифа, повелителя Арабского халифата денег на постройку крепости. Значит, не мог её построить сам, со своими мастерами, хоть леса у него было достаточно. На деньги халифа он собирался для постройки крепости нанять русов-викингов, известных мастеров по дереву, живших по соседству. Но обещанные деньги не пришли в Булгар с багдадским посольством, и строительство города-крепости отложилось на неопределенный срок.

В Древнем мире металлические орудия труда, оружие, украшения, сделанные предками башкир, расходились внутри этноса. Во внешний мир уходили лишь лошади и золото. С началом Средневековья в ранних (II—V вв. н.э.) захоронениях бахмутинской археологической культуры появляются ожерелья из стеклянных бусин разного цвета, а в могилах носителей турбаслинской культуры (V—VII вв. н.э.), ближайших предков башкир — янтарные бусы. Это говорит о том, что на берегах Агидели появились торговые экспедиции, а янтарь выдает их происхождение с берегов Балтийского моря. Это было лишь начало разведывательных походов прибалтийских мореплавателей вглубь Восточной Европы по речным путям с целью грабежа и торговли.

Со временем такие походы стали популярны среди скандинавов-язычников, обрели характер протеста против насильственной христианизации, творимой франкским королем Карлом Великим. Появились купцы-пираты. В жизни скандинавов произошел резкий сдвиг — пассионарный толчок, по Л.Н.Гумилеву. Среди них появляется новый тип людей — мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, заводившие связи в разных странах. Их называли викингами. Когда юноша покидал сельский хутор и вступал в дружину викингов, его оплакивали, как покойника. Домой он более не возвращался: либо погибал в походе, либо оседал в какой-нибудь дальней стране.

Путь викингов из Норвегии лежал на запад, из Дании — на юг, а из Швеции — на восток. По восточному пути ладьи шведов устремлялись через Финский залив, Неву, Ладожское и Онежское озера, через земли финно-угорских племён спускались по Волге к Каспийскому морю, в Арабский халифат. Славяне их называли варягами (от самоназвания «варангер» — жителей Варангер-фьорда). Позже возник путь «из варяг в греки» — от этих озер на юг по Днепру к сказочно богатой Византии. Онежское море-озеро раньше называлось Русским, и именно шведов, обосновавшихся на его берегах, в Скандинавии знали как русов (россов — потомков предводителя викингов, предка рюриковичей Рёрика Россы (Рыжего). Здесь была одна из первых колоний викингов-россов, называемая теперь Старая Русса.

Шведский археолог Х.Арбман исследовал клады серебра, найденные в Южной Скандинавии, которые отражают развитие торговых связей викингов [18]. Клады IX века состояли в основном из арабских монет Восточного халифата и серебряных колец, изготовленных на Волге. В X веке поток арабского серебра в Скандинавию усиливается, что свидетельствует о расширении торговли по Волге с Восточным халифатом. Только во второй половине X века, около 960—970 годов в составе скандинавских кладов появились византийские монеты, арабские монеты Западного халифата. Значит, лишь немногим ранее, в середине X века начинается движение викингов «из варяг в греки». Это согласуется со сведениями от византийского императора Константина Багрянородного [19], который в 948—952 годах описал движение по Днепру отдельных дружин викингов, зимний сбор дани со славянских племён и весенний сплав викингов на лодках-однодеревках, выдолбленных из ствола дерева, к Византии с целью продажи награбленной пушнины и славянских рабов.

Так викинги «прорубили окно из Европы на Русь» и устремились по Волге к Арабскому халифату и по Днепру к Византии. По Волжскому пути они расплывались по крупным притокам, таким как Кама, Агидель, Уфа, заходили и в мелкие таежные реки, такие как Инзер, Тулва и другие, где жили охотники, промышлявшие пушниной. Именно пушнина, как товар, пользовалась тогда наибольшей популярностью в Восточном Арабском халифате.

Однако отношения между викингами и местным уральским населением не могли быть подобны сбору дани, как это имело место со славянскими племенами на Днепре. Славяне не имели оружия, железа не было в их стране. Уральские же лесные племена, в частности башкиры, имели свои кузницы, были прекрасно вооружены луками и стрелами, мастерски ими владели, быстро передвигались на конях. Любая недружественная команда викингов могла быть сразу же уничтожена.

Грабеж не удавался, поэтому здесь викинги стали торговцами и старались установить мирные, доверительные отношения с местным населением. Охотники, узнав о прибытии викингов, собирались на большой реке. Обычно в устье какого-либо притока, по которому они приплывали на лодках из своих лесных поселений. На мысу они раскладывали свою пушнину. Викинги осматривали мягкую рухлядь и выставляли на обмен свои товары: стеклянные и янтарные бусы, серебряные кольца и серьги, зеркала, оружие, ткани. Если охотников удовлетворял предлагаемый эквивалент, то они молча меняли его на шкурки. Известно, например, что варяги привозили из Скандинавии вязаные вещи (этим ремеслом у них занимались мужчины), отсюда произошло русское слово «варежки» («варяжские рукавицы»).

Такая «безмолвная» торговля была лишь на первых порах. Вскоре с той и с другой стороны стали появляться люди, знавшие язык партнеров. Некоторые наиболее отчаянные и хваткие викинги оставались в селениях охотников, чтобы отбирать себе наилучшие экземпляры пушнины и формировать партии шкурок для своих купцов-соотечественников. Они осваивали язык, обзаводились семьями и оседали в чужой стране. Около оборотистых торговых площадок их число возрастало, и возникала колония. Они впервые ввели здесь некоторое подобие денег, весы с гирьками и мерные чашки. Ибн-Фадлан в 922 году писал: «Дирхемами (деньгами) у русов служит серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лапок и головы, а также соболи... С их помощью они совершают разные

меновые сделки, и эти шкуры нельзя вывезти, так как их отдают за товар. Весов они не имеют, существуют лишь стандартные бруски металла. Куплю-продажу они совершают с помощью мерной чашки». Что касается «белок» вместо денег, то отсюда происходит башкирское название меры денег «тин» — копейка (от «тейен» — белка).

Если стандартные бруски металла не были гирьками, то что это такое? Арабы пользовались безменами, в которых величина противовеса регулировалась не гирьками, а расстоянием от упора, а весы с гирями Ибн-Фадлану не были знакомы.

Успешная торговля порождала спрос. Кроме пушнины, пользовалась популярностью башкирская конная сбруя: седла, уздечки, а также сабли, ножи, инструменты. Викинги везли всё это на своих ладьях по Волге в Хазарию, через Каспийское море в Восточный халифат. Арабы расплачивались серебряными дирхемами, но эта монета (тэңкә — монета, отсюда русское слово «деньга», «деньги») не была в ходу ни на Урале, ни в Европе. Поэтому появилась необходимость переплавлять дирхемы в серебряные кольца, фибулы, браслеты и другие украшения. На них викинги выменивали у таежных охотников невыделанные шкурки пушных зверей. По пути в Арабский халифат они неизбежно испортились бы в жарких странах. В халифате пользовались спросом готовые меховые изделия. Поэтому на Средней Волге в районе Самарской луки возникли ювелирные и скорняжные мастерские, породившие город русов-викингов. Мадьяры, жившие по соседству, называли его Сусадал, европейцы — Остергарди, монголы — Сесут. Здесь возникла колония-государство русов-викингов с царем (каганом) и дружинниками, показанная на карте Идриси как Русия (1154), описанная Ибн-Фадланом (922), упомянутая во франкских «Бертинских анналах» (839) как Русский каганат и названная мной Восточной Русью [20]. Ибн-Фадлан, побывавший там, писал, что добропорядочные люди из русов (не торгующие рабами) занимаются кожевенным ремеслом. Ювелирные мастерские ему, видимо, не показали. Однако в скандинавскихкладах викингов часто находили серебряные кольца, изготовленные на Волге. В средневековых еврейских хрониках утверждается, что евреи, бежавшие из Ирана под натиском арабов, в лето 690 года прибыли в страну Русию [21]. Их путь лежал по Волге на север. Об этом свидетельствует захват ими власти в Хазарии. Значит, страна варягов-викингов Русия на Волге в конце VII века уже была, что подтверждается также появлением стеклянных и янтарных бусин в памятниках Турбаслинской культуры в V—VII веках на левобережье Агидели.

Участие в торговле чужестранных купцов, их стремление избежать опасных поездок к воинственным башкирским племенам, живущим на берегах далеких таежных речек, породили ряд больших торжищ в удобных местах. В них строились помещения для торговли и временного проживания, склады, удобные причалы, даже площадки с языческими идолами, вытесанными из дерева. Такие торжища обрастали мастерскими ювелиров, кузнецов и кожевников, для безопасности огораживались рвом, валом и стеной. Так возникли башкирские торгово-ремесленные города. С целью удобства и надежности защиты они воздвигались на мысах или крутых берегах и река сама становилась первым защитным рубежом.

Торговля на Урале и в Сибири в средние века была скрытной — с ограниченным числом знакомых друг с другом купцов и продавцов. Связи между ними налаживались не годами, а десятилетиями, передавались из поколения в

поколение. Продавцы остерегались чужих людей, наездов грабителей, а купцы — конкурентов. Поэтому сведения об этих городах часто скрывались, что отражалось даже в названиях, означающих по-башкирски «запрятанный, скрытый»: Кастр (от «касырыу» — прятать).

Относительно города Кастр Идриси писал: «Из городов внутренних басджиртов [назовем] Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как [туземцы] убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил (Волгу)». Действительно, на карте Идриси город Кастр отмечен при слиянии двух рек, вытекающих с гор и образующих приток Камы. Очевидно, этот приток — Агидель, а город Кастр стоял в устье Уфы. Это одно из городищ, некогда бывших на Уфимском полуострове, на месте современного города Уфы. Сегодня установлено, что городище Уфа-II легло в основу средневекового города. В нем обнаружены остатки ювелирной мастерской, в которой изготавливались золотые изделия. Было что скрывать. Есть основание полагать, что первоначально этот город назывался Касыр (скрытый — башк.), затем Башкорт, по народу здесь проживавшему, и далее, географически более точно — Уфа по месту расположения в устье реки Уфы.

Башкиры действительно не пропускали через свою страну разного рода чужестранцев, проезжавших с неопределенными целями, особенно работорговцев. Известно, что и сами башкиры грешили работорговлей. Но купцы-викинги, похоже, были здесь желанными гостями. Многие из них оседали в башкирских городах. Так в городище Уфа-II они проложили деревянные настилы наподобие городских тротуаров, абсолютно такие же, как и в Новгороде Великом [18].

Археологи установили, что значительную часть населения городища Уфа-II и возникшего затем здесь города составляли носители весьма своеобразной турбаслинской культуры [22]. Из их своеобразия остались загадкой европеоидность черепов [23], плоскодонная глиняная посуда, сделанная на гончарном круге, и обычай трупосожжения. Идриси писал о викингах: «Русы сжигают своих мертвых, а не зарывают их в землю». Если допустить проживание здесь викингов, растворившихся в местном населении, и сжигавших своих покойников по родной скандинавской традиции, то все эти загадки разрешаются.

Турбаслинская культура была распространена по левобережью среднего течения Агидели. Идриси на своей карте показал здесь башкирский город Мастр примерно на одинаковом расстоянии как от устья Агидели, так и от устья Уфы. Название этого города не имеет связей в башкирском языке. Возможно, до Идриси дошли сведения, что здесь была столица страны башкир и он обозначил её одним арабским словом — «главный город», как египтяне называют свою столицу Мыср или Маср.

Есть ли в среднем течении Агидели, в месте, указанном Идриси, следы городской культуры? Конечно, есть. Город, живший и процветавший в Средневековье, не может бесследно исчезнуть. Сегодня здесь расположен город Бирск. Считается, что он возник как село Архангельское в 1574 году, как опорный пункт на середине пути от реки Камы к реке Уфе [24]. Но тогда возникает вопрос: кого же тогда хоронили с IV по VIII века в Бирском могильнике, расположенном в окрестностях Бирска, в урочище Святой Ключ? Могильник — обязательная часть коммунальной структуры города. Значит, на месте Бирска в Средневековье все-таки был город, который с IV по VIII века хоронил своих граждан в могильнике, сегодня называемом условно Бирским. По моему убеждению, это город Мастр, показанный на карте Идриси в этих местах.

Бирский могильник — один из крупнейших археологических памятников Урала 1-го тысячелетия н.э. Он относится к бахмутинской культуре, но расположен на стыке культур. На противоположном берегу Агидели синхронно проживали носители турбаслинской и кушнаренковской культур. Это было время языческих верований. Поэтому в могилу к умершему мужчине с целью обеспечения загробной жизни клали те предметы, которыми он пользовался при жизни: орудия труда, оружие, уздечки, седла, инструменты, ременные пояса, сосуды с едой и питьем. Это была эпоха раннего железа, материал не отличался твердостью, быстро тупился. Поэтому в могилы помещали и оселки для заточки. Женщины складывали в изголовья покойных мужей подаренные им украшения.

Часто на грудь покойного клали железный нож, как это делают и сейчас башкиры северо-восточных районов. Рядом с покойным размещали кусок любимой башкирами конины. Именно здесь история башкирского народа состыковалась с археологией. Некоторые мужчины, похороненные в Бирском могильнике, владели при жизни инструментами бортничества, были бортниками. Эти инструменты: топор, тесло, скобель и стружок использовались башкирами для изготовления бортей ещё в недалеком прошлом [15]. Глиняная посуда имела признаки бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской культур. Её делали женщины. Это говорит о том, что бахмутинцы брали невест от соседей, этнически близких с ними. Башкирский этнос уже сформировался автохтонно на этой территории. Поэтому не случайна и находка в одном из поздних погребений литого бронзового всадника, вооруженного луком и стрелами. Это был типичный образ воина-башкира, прошедший через многие века. По сути, носители бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской культур являлись ранними лесными башкирами угорского происхождения.

Здесь были сильно развиты древние угорские традиции металлообработки. В мужских захоронениях Бирского могильника найдено большое разнообразие железных изделий: короткие однолезвийные мечи (прообразы башкирской сабли), ножи, проушные и втульчатые топоры, тесла, долота, скобели, струги-ложжари, наконечники стрел, удила, стремена, различные ременные пряжки из бронзы и золота. В могилы клали уздечки и седла, поясные ремни, но ременные части истлели, сохранились лишь металлические детали. Всё это говорит о том, что в городе Мастр существовали кузнечные и ювелирные мастерские, было развито кожевенное ремесло и бортничество, изготовление деревянных и кожаных судов, лодок-однодеревок (долбленок).

О развитой торговле, в том числе и с участием викингов, можно судить по найденным в Бирском могильнике украшениям и хорезмийским монетам VIII века. Женщины клали покойным мужьям в изголовье свои янтарные, сердоликовые и коралловые бусы, серебряные фибулы и браслеты, кольца. Фибулы и янтарь имели явно скандинавское происхождение. Викинги застегивали одежду фибулой. От них появились у бахмутинцев подобные застёжки. Такой предмет (каптырма — застёжка) использовался в недавнем прошлом и у северо-восточных башкир. О нем мне рассказывала моя бабушка Фатыма, проживавшая в Салаватском районе. Накидку с застёжкой до недавнего времени носили кормящие матери.

Бирский могильник — явление уникальное на археологической карте Исторического Башкортостана. Результаты его исследования говорят о развитых здесь ремеслах и международной торговле. Даже если бы не было известно ни одного письменного источника, сообщавшего о башкирских средневековых го-

родах, можно было бы смело утверждать, что на месте современного Бирска был средневековый город. Ни один город в Урало-Волжском регионе не имел такого археологического подтверждения ремесла и торговли, как Мастр (Бирск). Так что Идриси имел все основания назвать этот город столицей страны башкир.

Прикамье в районе устья Агидели и выше по течению до устья Тулвы в средние века было заселено башкирскими племенами Осинской дороги (северные башкиры). А. -З.Валиди, ссылаясь на С.И.Руденко [25], перечислил следующие племена: тазлар, уран, ирехте, гайна, салавыш, караойле. Обратим внимание на последние два названия. Они сохранились на современной карте в виде населенных пунктов Салауш и Каракулино по правому берегу Камы: Салауш чуть ниже устья Агидели, а Каракулино выше этого устья. В документах XVIII века Каракулино и Бури (Бирск) называются городами, в которых располагались некоторые административные органы [26].

На карте Идриси башкирский город Карукийя отмечен на реке Каме выше устья реки (Агидели), на которой показаны города Мастр (Бирск) и Кастр (Уфа). По тексту этот город отмечен дважды: в разделе 6-го климата (а-клима) и в разделе 7-го климата, в котором город Карукийя назван городом Кукийаной, расположенным недалеко от города Салав (совр. Салауш). Видимо, при написании соответствующего раздела 7-го климата Идриси использовал сообщения иных информаторов. Таких неувязок много в его труде, но не название города важно здесь. О Кукийяне (Карукийя) Идриси сообщает интересные сведения.

Купцы этого города, расположенного на Каме, занимались торговлей с закрытыми для чужестранцев городами, такими как Арса, возможно и Мастр, Кастр. Их туда пускали. Для чужестранцев же были открыты только большие реки: Кама и Волга. Идриси пишет, что купцы-мусульмане из Армении доходят до Кукийяны. Здесь ошибка. Армения христианская и сухопутная страна и не имеет выхода к морям и крупным рекам. Купцы-мусульмане были, видимо, из прикаспийских областей Азербайджана. Эти купцы и перекупали товары, вывезенные из «скрытых» городов (центров металлообработки) местными торговцами Кукийяны (Карукийи) и везли эти товары на юг.

Есть у Идриси строки, и вовсе поставившие в тупик современных историков [5]: «Кукийяна — город тюрок, называемых Руса». Выше уже отмечалось генетическое воздействие викингов на население среднего течения Агидели, выразившееся в европеоидности черепов носителей турбаслинской культуры. Чем ближе к Волге, по которой свободно плавали викинги, тем это этническое воздействие сильнее. На Каме в городах Салав (Салауш) и Кукийяна (Каракулино) жило смешанное население «тюрок, называемых Руса».

По Каме викинги ходили на своих ладьях в сказочно богатую пушниной Биармию, воспетую в их сагах. Со временем Биармия (Пер-маа — страна Медведя) стала называться Великой Пермью. Раз викинги поднимались по Каме к северным башкирам — по Идриси к «тюлкам Асконии», значит, должны были возникнуть там торжища с охотниками, скорняжьими мастерскими, святилища с деревянными идолами их языческих богов, кладбища. Ранние северные башкиры, носители бахмутинской культуры, соплеменники тех, кто оставил Бирский могильник, традиционно славились металлургией и металлообработкой. Этим же отличались и их потомки — башкирское племя гайна, расселившееся по обоим берегам Камы в районе устья Тулвы. Так что появление там города Гарджан вполне соответствует объективным обстоятельствам, сложившимся в регионе.

Здесь название взято по карте Идриси, в переводе Коноваловой по тексту — Гурхан. Считаем, что Гарджан ближе к истине, так как в европейских средневековых источниках названия городов, построенных с участием русов-викингов, имели основу «гард»: Невогарди (Новгород), Остергарди (Восточный город на Самарской луке, где в старину имелся брод «Жигүле кичүе» (Брод для упряжек) с каменистыми перекатами и порогами в районе гор, называемых по-русски «Жигули»). Вариант же Коноваловой Гурхан породил у исследователей ряд уводящих в сторону ассоциаций: гур — могила, рай; хан — главный, повелитель.

Город Гарджан (у башкир сохранилось имя Гарджан, Гардан с производными от него фамилиями Гарджанов, Гарданов) обозначен на карте Идриси в устье левого притока Камы, что соответствует тексту, где указано, что города Гарджан и Карукийа расположены на одной реке, причем Карукийа находится ниже по течению, чем Гарджан, и расстояние по суше между ними десять дней пути. Возьмем дневной переход в 20—22 км, тогда это расстояние получится 200—220 км. Если отложить эти километры от Каракулино в сторону верховьев Камы, то получим устье Тулвы и крепость Осу. Через Осу проходил древний сухопутный торговый маршрут в Сибирь. Здесь этот караванный маршрут пересекался с водными путями на юг к Каспию, и на север — к Онежскому и Ладожскому озерам. Далее можно было добраться и до севера Европы, Скандинавии, а на юг — до Арабского халифата. Устье Тулвы было очень удобным местом для постройки города.

Идриси пишет: «Город [Гарджан] хорошо обустроен, с возделанной округой, туда по указанной реке иногда приезжают купцы и путешественники. Там живет правитель тюрок Аскутийи (северных башкир. — **P.B.**), в распоряжении которого многочисленные воины, снаряжение и оружие, множество крепостей, протяженные возделанные земли». Как видим, Идриси ведет речь не просто о городе, а о главном городе-крепости с воинами, оружием и снаряжением, с множеством пригородов.

Как видим, город Гарджан у Идриси — крепость. Крепостью в Средневековье была и Оса. Если Гарджан — название от русов-викингов, а Оса — тюркское название того же города, то должны же были там остаться какие-то другие следы от викингов! И они нашлись.

Оказалось, что берега Тулвы были обильно заселены викингами в Средневековье. Сохранились их кладбища и предания среди местных жителей. В этих преданиях рассказывается о том, что когда-то давно высокие светловолосые люди прибыли в эти места по реке: «Озыннар — высокие люди жили здесь до нас, маленьких. На их кладбище есть могилы длиной более сажени. Жили они здесь между деревнями Султанаем и Сюзяню».

«Они были большие, железные рубахи у них были. На том конце деревни (Кудаш), к Юкшуру есть кладбище. Общая могила была, как дамба, большая такая» [24, с. 14].

Неужели в виде, похожем на дамбу, сохранилось захоронение викингов? Их ритуал описан в известных путевых записках Ибн-Фадлана, относящихся к 922 году [13]. Когда умирал знатный викинг, его ладью вытаскивали на берег, клали труп в ладью, рядом приносили в жертву рабыню, пожелавшую уйти с ним на тот свет, быков, лошадей, кур. Потом ладью, нагруженную жертвами, поджигали. Сгоревшие останки засыпали землей. Получалось нечто, похожее на дамбу. К сожалению, это предание о «могиле-дамбе» не привлекло внимания археологов.

А название деревни Кудаш, где сохранились эти предания, говорит о существовавших здесь традициях кузнечного ремесла. Башкирским словом «кузаш» на-

зывали кузнецов, работающих скрытно и изготавливающих оружие: наконечники стрел, сабли и металлические элементы конской сбруи: удила, стремяна, пряжки. Деятельность их отмечена в башкирском эпосе «Идукай и Мурадым».

Идриси писал о городе Гарджан и стране «тюрок Аскутийи» — северных башкир: «В этой стране (сохранился топоним Аскын, Аскино. — **P.B.**) из ремесленных изделий и предметов искусства делают не только то, что требуется для повседневных нужд, но также производят седла и оружие — такие великолепные и совершенные, какие не делаются ни в одной другой стране тюрок».

Викинги везли эти товары по Волге к Каспию и играли главную роль в обеспечении торговли по северному ответвлению Великого шелкового пути. Этот отросток протянулся из столицы Хазарии Итиля в дельте Волги до Булгара и башкирских городов Мастр, Кастр, Карукийя, Гарджан. Поселения викингов были на Волге, Каме, Агидели, Уфе и на других таежных речках Исторического Башкортостана. Сохранилась деревня с таким же названием Узунлар (башк. — Высокие) на Инзере на территории Архангельского района.

В 1970—1990 годах Р.М.Юсуповым проводилось антропологическое изучение черепов северной группы башкир. Было установлено, что в северных и северо-западных районах Башкортостана процессы расогенеза башкир протекали при активном участии уральской и светлой европеоидной рас, происхождение которой предполагалось почему-то южным. Будто на юге Европы в Средневековье проживали представители светлой расы, а не сплошь чернявый народ. Видимо, нашим историкам легче было представить себе грека или римлянина в образе блондина, чем признать влияние ненавистных норманнов-россов на этногенез поволжского и уральского населения. Как же, ведь даже сам академик Рыбаков не признал русов-викингов на Волге. А ведь об этом писал не только Идриси, но и Ибн-Фадлан, своими глазами видевший на Волге город викингов, описавший их государство — таинственный Русский каганат, их царя, дружинников, ложе и другие нравы и обычаи.

Женские черепа северных и северо-западных башкир оказались близки между собой и характеризуются различными вариантами уральской и южносибирской рас [23, с.15]. Это говорит о том, что в регион прибывали мобильные мужские отряды светлых европейцев-воинов, оседали здесь и заводили семьи с представительницами местного населения. К сожалению, в историографии Башкортостана викингов вообще нет. Пока не оценен должным образом вклад викингов в этногенез северных башкир и участие их в основании башкирских торгово-ремесленных городов.

Как же сложилась судьба этих башкирских городов? Идриси написал свой труд в середине XII века. К этому времени Арабский халифат развалился на ряд мелких государств. Расколотся христианский мир. Европа оказалась большей частью католической, а Византия под ударами крестоносцев потеряла своё величие и богатство. Эти страны перестали привлекать купцов-викингов и закончилась активная фаза их движения. Соответственно стали редкостью их ладьи на Волге и ее притоках — малых таежных реках. Местные купцы, не имевшие навыков длительных походов по воде, не смогли их заменить. Без активной международной торговли, осуществляемой профессиональными купцами, для которых торговля была образом жизни, города стали хиреть. Были и другие объективные причины угасания городской жизни.

Идриси писал: «Карукийя — красивый город с постройками из дерева и войлока. На него часто нападают булгары, до которых шестнадцать переходов, и они постоянно воюют друг с другом с незапамятных времен». Жизнь в условиях частых нападений

не способствовала расцвету города. Город Гарджан, хоть и был уже крепостью (Оса), также подвергался нападениям со стороны булгар и других соседей. Не прошло после Идриси и 100 лет, как началось монгольское нашествие. Башкиры противостояли ему 14 лет. За это время башкирские города подвергались грабёжам, насилию и сжигались. Лишь столица «Баскардии», называемая в хрониках монгольского времени Башкорт или Баскард, где располагался наместник Великого хана и собиралась дань, получила своё дальнейшее развитие.

В конце XIV века в Башкортостане развернулись армии золотоордынского хана Тохтамыша и среднеазиатского эмира Тамерлана. В 1391 году на реке Кундурча состоялось их генеральное сражение. Башкиры воевали на стороне Тохтамыша, а победил Тамерлан. Его месть башкирам оказалась жестокой. Города и другие селения были разграблены и сожжены. Пребывание башкир в послемонгольское время под властью Казанского и Сибирского ханств, а также Ногайской орды не способствовало возрождению этих городов.

С присоединением Башкортостана к Русскому государству в городе Уфе была построена крепость, а на месте города Мастр — заложено село Архангельское как форпост нового Российского государства. Это село было сожжено башкирами в ходе восстания 1662—1664 годов. Но место города не подвластно времени и обстоятельствам — здесь сходились речные и сухопутные торговые пути. Поэтому на этом месте возник купеческий город Бирск, название которому дала река Бирь, впадающая здесь в Агидель.

Многие отчаянные люди крепостной России бежали на окраины империи, в том числе и в Башкортостан, на Яик. Со времен Геродота предки башкир — аргиппеи беглецов не выдавали, давали приют. Принимали их и башкиры. Беглые люди поселялись на реке Яик и становились казаками (от башкирского касак — беглый). Рыболовецкое население башкирского города Намджан, описанное Идриси, постепенно оказывалось, и к XVIII веку этот город стал казацким Яицким городком, с тем же рыболовным промыслом.

Необходимо отметить ещё одну особенность средневекового градостроительства, которой часто пренебрегают современные исследователи. Город в то время не мог быть заложен по приказу какого-либо отца-основателя или даже высадкой военного десанта. Группа людей, высадившись на «диком берегу», неминуемо погибла бы от голода и холода. Земледельцы, кормящие город, и ремесленники, торговцы, поддерживающие в нём жизнь, не появляются вдруг, из леса на зов не приходят. Поэтому такие десанты обычно высаживались на обжитых уже местах и существующие города превращались в крепости. Так было и с современным городом Уфой, построенным на месте древнего городища.

Подводя итог, можно сказать, что в средневековом Башкортостане существовали объективные предпосылки для зарождения городов. Урал был богат природными ресурсами: месторождениями черных и цветных металлов, драгоценными камнями, пушниной, медом, воском и ценными породами дерева. Развивались ремесла: коневодство, бортничество, рыболовство и переработка рыбы, металлургия и металлообработка, изготовление орудий труда и оружия, выделка кож и мехов, изготовление седел и уздечек, деревообработка и ювелирное дело. По рекам в Башкортостан проникали профессиональные купцы-викинги, осуществлявшие международную торговлю с выходом на Великий шелковый путь. Возникновение средневековых городов купцов и ремесленников на крупных реках стало объективной реальностью.

Литература

1. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. — М.: Наука, 1974.
2. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и приложения А.И.Малеина, СПб, 1911.
3. *Иванов В.А.* Путь ибн-Фадлана. Уфа: Китап, 2010, с.30.
4. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. — М.: Наука, 1967.
5. *Рыбаков Б.А.* Русские земли на карте Идриси 1154 г. — В кн.: Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М. 1952, вып. 43.
6. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. — М.: Восточная литература, РАН, 1999.
7. *Навеки с Россией.* — Уфа: Китап, 2007, с.33.
8. *Псянчин А.В.* Башкортостан на старых картах. Альбом карт. — Уфа: Гилем, 2001.
9. *Радик Вахитов.* Под крыло двуглавого орла. — Уфа: Китап, 2007, с.326.
10. *Мажитов Н.А.* Сколько лет городу Уфе — столице Башкортостана? // Ватандаш, №9, 2008, с.48—52.
11. *Юлдаш Юсупов.* Письменные источники о городах средневековой Башкирии. // Ватандаш, №11, 2009, с.37—40.
12. Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. Сб. научных статей под ред. Обыденновой Г.Т. — Уфа: БГПУ, 2013.
13. Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу. // На стыке континентов и цивилизаций. — М.: ИНСАН, 1996, с.12—47.
14. *Радик Вахитов.* Башкиры и венгры. // Ватандаш, №6, 2010, с.67—78.
15. *Радик Вахитов.* Пчелы и люди. — Уфа: Башкнигоиздат, 1992.
16. *Геродот.* История. — М.: АСТ, 2006.
17. *Урал-батыр.* Башкирский народный эпос. — Уфа: Китап, 2005, с.169.
18. *Арбман Хольгер.* Викинги. — СПб: Евразия, 2006.
19. *Константин Багрянородный (Порфирородный).* Об управлении империей. // Из глубины столетий. — Казань: Таткнигоиздат, 2000.
20. *Радик Вахитов.* Неизвестная Восточная Русь. // Ватандаш, №10, 2009, с.24—48.
21. *Берлин Н.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пр., 1919.
22. *Мажитов Н.А.* К вопросу о происхождении башкирского народа. // Проблемы востоковедения. №3, 2011, с.20—32.
23. *Тулвинские татары и башкиры.* — Пермь: Пермкнигоиздат, 2004, с.15.
24. Энциклопедия «Башкортостан». — Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996, с.181.
25. *Ахметзаки Валиди Тоган.* История башкир. — Уфа: Китап, 2010, с.53.
26. Материалы по истории БАССР, ч.1. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1936, с.230.